

Техногенная цивилизация или техногенные субцивилизации?

В своем труде [1] В.С. Степин отмечал, что в 21-ой цивилизации, описанных А. Тойнби, на основании отличий в типах цивилизационного развития можно различить два больших класса: традиционные цивилизации и техногенную цивилизацию. При этом он указывал, что техногенные общества, которые впоследствии распространились по всему миру и поглотили (или видоизменили) большинство традиционных обществ, сформировав техногенную цивилизацию, зародились в Западной Европе. Конкретная датировка их возникновения вряд ли может быть проведена, однако можно уверенно считать, что к XVII веку, который мы связываем, не в последнюю очередь, с созданием Г. Галилеем математизированного естествознания, техногенную цивилизацию, которую еще называют Западной цивилизацией, можно в целом считать сложившейся.

К отличительным чертам техногенной цивилизации В.С. Степин относит, в частности, высокие темпы социальных изменений, менее значительную роль традиций, интенсивные модели роста, ценность инноваций, культ человеческого разума, ориентацию на будущее и деятельностное отношение к миру. И если для традиционных обществ был характерен идеал личности как встроенной в сообщество или корпорацию и обретающей свои качества именно через приспособление к социальной среде, то в техногенной цивилизации он уступает место идеалу автономной и творческой личности, преобразователю природы.

Применительно к традиционным обществам вместо единой цивилизации зачастую имеет смысл говорить о локальных цивилизациях. А.И. Липкин определял их как «социальные и культурные суперсистемы, не совпадающие с национальными или государственно-политическими образованиями». К таким локальным цивилизациям предлагается относить древнегреческую, китайскую, индийскую, мусульманскую, западноевропейскую, ряд других. Также он ввел понятие субцивилизационной общности, то есть «общности с отличающимися, но в основном общими или близкими системами идеалов и смыслов (например, древнегреческая и древнеримская субцивилизации в античной цивилизации или арабская и ирано-таджикская в исламской цивилизации ...)» [2].

В основании нашего предложения о выделении техногенных субцивилизаций в составе техногенной цивилизации лежат как определенные общности идеалов и смыслов в пределах того, что относится к одной техногенной цивилизации, так и их подчас значительные локальные различия. Наши предложения опираются на эмпирические исследования научных лабораторий. К числу общих для техногенных субцивилизаций идеалов мы отнесем идеал человека как преобразователя окружающего мира, обладающего активной и деятельностной природой, ценность человеческого разума и ориентацию на будущее. Имеются, однако, аспекты в организации науки, в которых между техногенными субцивилизациями обнаруживаются существенные различия.

Говоря о различиях, отметим две важные посылки в нашем рассуждении. Во-первых, мы говорим о современной большой науке, точнее, ее разновидности,

именуемой мегасайенс. Мегасайенс – особая форма большой науки, то есть науки больших коллективов, длительности проектов, стоимости и размеров установок, которая к тому же отличается формированием коллективного познающего субъекта, а также утратой четких эпистемических целей в научной деятельности и их тесное переплетение с социальными и политическими. Во-вторых, техногенные субцивилизации, которые мы анализируем, мы подразделяем на два типа, которые условно называем Западный и Восточный. К Западному мы относим идеалы и нормы научно-познавательной деятельности, преобладающие в странах Европы (Восточной, Центральной и Западной), Северной Америки, Японии. К Восточному мы относим научные практики (и регулирующие их нормы), распространенные в России, странах Центральной Азии и СНГ, отчасти Китая и Индии. Ряд других регионов пока не может быть четко увязан с той или иной техносубцивилизационной матрицей.

Успешно функционирующие проекты мегасайенс (такие, как Большой Адронный Коллайдер (БАК) в ЦЕРН или эксперименты на коллайдере Теватрон в Национальной Ускорительной Лаборатории им Э. Ферми в США) пока осуществлены только в рамках Западной техногенной субцивилизации. Проекты, условно относимые к таковым на территории России (коллайдер НИКА в Дубне, реактор ПИК в Гатчине, синхротрон СКИФ в Сибири и др.), пока не запущены, ввиду чего успешность их реализации на данный момент не может быть оценена.

Как мы отмечали выше применительно к большой науке, одно из существенных различий между субцивилизациями – в характере познающего субъекта. В Восточной субцивилизации познающий субъект редуцируется к квазисубъекту-индивиду, руководящему и организующему познавательную деятельность подчиненных и единолично определяющему познавательные стратегии (модель группы Альвареца [3]). Для Западной субцивилизации, начиная с 1970-х годов, наиболее характерна модель коллективного субъекта-ядра (элитной группы ученых равного статуса, регулярно обновляющейся и принимающей решения по делиберативному принципу). Различна в этой связи и роль традиций в субцивилизациях. Преемственность в Западной субцивилизации достигается за счет непрерывного отбора в ядро сильнейших из равных, конкурирующих за место в элитной группе по принципу социального дарвинизма. Преемственность же в Восточной субцивилизации, как правило, принимает форму преемничества: наиболее перспективного кандидата на роль будущего единоличного руководителя коллектива отбирают и готовят действующие руководители; членам коллектива, не отобранным в качестве преемников, отводится роль исполнителей. Если в Западной субцивилизации роль ученого определяется личной инициативой, то в случае Восточной – поощряется лишь инициатива, совпадающая с волей руководителя. Обращая внимание на успехи Западной субцивилизации в развитии мегасайенс, мы поставим вопрос о возможности и формах мегасайенс в регионах, отнесенных к Восточной субцивилизации.

Литература

1. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006.

2. Липкин А.И. "Духовное ядро" цивилизационной общности // «Синтез цивилизации и культуры». Международный альманах. М.: ИНИОН РАН, 2004.
3. Пронских В.С. Онтология коллективного экспериментатора: от группы Альвареца к мегасайенс // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 4. С. 165–182.